

СОДЕРЖАНИЕ

Молдован А. М. (Россия, Москва) Красота и смысл слова. Предисловие.	11
Крысин Л. П. (Россия, Москва) Юра	15

Морфология и синтаксис

Бенаккьо Р. (Италия, Падуя) Значения и функции перфектизирующего суффикса <i>-ni-</i> в резыанском диалекте (в сопоставлении с русским языком)	18
Пиперски А. Ч. (Россия, Москва) Корпусные наблюдения над смещением родительного и предложного падежей русских существительных	32
Циммерлинг А. В. (Россия, Москва) Одушевленность. Русский язык	43
Reuther Tilmann. (Австрия, Клагенфурт) Глагольный префикс — между грамматикой и словарем: словарное решение на примере префикса <i>вз-</i>	57
Вайс Даниэль. (Швейцария, Цюрих) Конструкция с препозитивной относительной клаузой	91
Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. (Канада, Монреаль) Местоимения КТО и КОТОРЫЙ в определительном придаточном	107

Теоретическая семантика

Апресян В. Ю., Рахилина Е. В. (Россия, Москва) Две стороны фасадности: двери и окна	136
Wogusławski Andrzej. (Польша, Варшава) Equivalence: <i>p</i> ≡ someone knows that <i>p</i>	148
Wierzbicka Anna. (Австралия, Канберра) The meaning of the Christian confession of faith: explaining the nicene creed through universal human concepts	150
Крылов С. А. (Россия, Москва) К вопросу о различии поверхностной и глубинной семантики	170

История языка, философия языка, языковая картина мира

Бабаева Е. Э. (Россия, Москва) Об одной особенности системы предикатов положения в пространстве во французском языке	190
Птенцова А. В. (Россия, Москва) Глагол <i>кануть</i> : семантическая история и структура многозначности	205

Соботка Петр. (Польша, Варшава)	
Этимология, развитие и древние функции польского <i>że</i> в историко-сравнительном освещении.	216
Zagon Zofia. (Польша, Варшава)	
O wdzięczności.	230
Nomachi Motoki. (Япония, Саппоро)	
How Do Russians Verbalize the Art of Kissing.	241
Шмелев А. Д. (Россия, Москва)	
Еще раз о гордости в истории русского языка и русской культуры: от «демонской твердыни» к чувству собственного достоинства.	257
Зельдович Г. М. (Польша, Варшава)	
Способность модифицировать содержание предтекста как примета первого дискурсивного плана в лирическом произведении.	277
Ляпон М. В. (Россия, Москва)	
Стратегии комического. Перифразирование идиомы (кроссворд, анекдот)	292

CONTENT

A. M. Moldovan (Russia, Moscow)	
Beauty and meaning of the word. Preface	11
L. P. Krysin (Russia, Moscow)	
Yura	15

Morphology and Syntax

R. Benacchio (Italy, Padova)	
The Meanings and Functions of the perfectivizing suffix <i>-nu-</i> in the resian dialect (in comparison with russian)	18
A.Ch. Piperski (Russia, Moscow)	
Corpus-based observations on the confusion of genitive and locative in russian nouns	32
A. V. Zimmerling (Russia, Moscow)	
Animacy: lessons from russian.	43
Tilmann Reuther (Austria, Klagenfurt)	
The verbal prefix – between grammar and dictionary: a dictionary solution exemplified by the russian verbal prefix VZ-.	57
Daniel Weiss (Switzerland, Zurich)	
Constructions with preposed relative clauses.	91
L. N. Iordanskaja, I. A. Meľčuk (Canada, Montreal)	
Pronouns KTO ‘who’ and KOTORYI ‘which’ in a relative clause	107

Semantic Theory

V.J. Apresjan, E. V. Rakhilina (Russia, Moscow)	
Two sides of frontness: doors and windows.	136
Andrzej Bogusławski (Poland, Warsaw)	
Equivalence: P ≡ someone knows that P	148
Anna Wierzbicka (Australia, Canberra)	
The meaning of the christian confession of faith: explaining the nicene creed through universal human concepts	150
S. A. Krylov (Russia, Moscow)	
On the question of distinguishing surface and deep semantics	170

Language history, language philosophy, language and culture

E. E. Babayeva (Russia, Moscow)	
On one particular feature of the system of predicates of position in space in french.	190
A. V. Ptentsova (Russia, Moscow)	
Russian verb KANUT ‘disappear’: semantic history and the polysemy structure	205
Piotr Sobotka (Poland, Warsaw)	
The etymology, development and older functions of the polish <i>ze</i> in the historical and comparative perspective	216

Zofia Zaron (Poland, Warsaw)	
About the syntactic-semantic properties of the polish word WDZIĘCZNOŚĆ ‘gratitude’	230
Motoki Nomachi (Japan, Sapporo)	
How do russians verbalize the art of kissing? An appendix to jurij d. Apresjan’s analysis of the verb CELOVAT’ ‘to kiss’	241
A. D. Shmelev (Moscow, Russia)	
Gordost’ ‘pride’ in the history of the Russian language and Russian culture: from the stronghold of demons to self-respect	257
G. M. Zeldovich (Poland, Warsaw)	
Ability of modifying the meaning of earlier parts of text as a property of foreground in lyrical discourse	277
M. V. Lyapon (Russia, Moscow)	
Strategies of the comic. Paraphrasing an idiom (the crossword puzzle and the joke)	292

А. М. Молдован

КРАСОТА И СМЫСЛ СЛОВА (К 90-ЛЕТИЮ Ю. Д. АПРЕСЯНА)

2 февраля 2020 г. исполнилось 90 лет академику Юрию Дерениковичу Апресяну — выдающемуся ученому, руководителю Московской семантической школы, имя которого известно не только профессиональному кругу лингвистов, но и далеко за его пределами.

Обширная научная деятельность Ю. Д. Апресяна устремлена к пониманию устройства человеческого представления о мире и его отражения в языке, при этом весь его исследовательский путь кажется последовательным исполнением однажды задуманного плана. Разумеется, этот план менялся, и труды Ю. Д. Апресяна отражают непрерывный поиск методологии и инструментария, способных дать точное представление о языковых объектах. Так действует опытный мастер, пробуя инструменты перед началом работы и подыскивающий среди них такие, которые лучше подходят для извлечения «из тяжести недоброй» скрытых смыслов. Рано оценив нераскрытые возможности и перспективы изучения лексической семантики, Ю. Д. Апресян последовательно доказывает, что в этой области языка действуют такие же закономерности, как в грамматике. Эта мысль обосновывается во всех теоретических монографиях Ю. Д. Апресяна, начиная с замечательного аналитического обзора «Идеи и методы современной структурной лингвистики» (1966) и «Экспериментального исследования семантики русского глагола» (1967), знаменитой «Лексической семантики» (1974) и вышедших позднее книг «Интегральное описание языка и системная лексикография» (1995) и «Исследования по семантике и лексикографии» (2009). Публикация этих книг всегда была и остается ярким научным событием. Их переводят на разные языки, без них невозможно представить современное лингвистическое образование. После этих трудов семантика стала осознаваться как базовый элемент лингвистического описания.

Созданная Ю. Д. Апресяном теория во всех ее элементах опирается на широкий, во многом исчерпывающий массив современной русской лексики. Полнота привлеченного материала позволяет автору идти дальше, используя полученные теоретические результаты для разработки проектов и концепций фундаментальных академических словарей. Важным этапом на этом пути была совместная работа Ю. Д. Апресяна с создателями теории «Смысл ↔ Текст» И. А. Мельчуком и А. К. Жолковским. Ее результатом стал «Толково-комбинаторный словарь русского языка» (1984), где впервые была представлена модель развернутого семантического описания русской лексики. Словарь был высоко оценен лингвистами, его идеи стали применяться при описании французского, английского, польского,

немецкого, японского и других языков. В это же время был создан контрастивный русско-венгерский словарь «Русский глагол — венгерский глагол. Управление и сочетаемость» (в соавторстве с Э. Палл, 1982).

Публикации этих словарей, использующих в своем научном аппарате новейшую лингвистическую теорию, демонстрировали широкие возможности системной лексикографии и знаменовали начало нового этапа в русской словарной традиции. Наряду с требованием полноты корпуса текстов фундаментальным отличием этой новой традиции стал выдвинутый Ю. Д. Апресяном принцип интегральности описания языка, состоящий в согласованном представлении его словаря и грамматики: в построении грамматики должны учитываться лексические свойства слов, а при создании словаря — их грамматические параметры. Последовательное развитие этот принцип получил в ходе работы Ю. Д. Апресяна над системами компьютерной обработки естественного языка, которой он посвятил значительную часть своей научной деятельности.

Обращение к этой тематике было связано с событиями внешней биографии Апресяна. С 1960 по 1972 г. он работал в секторе структурной лингвистики Института русского языка АН СССР. Это время было чрезвычайно плодотворным для него, но политическая атмосфера в стране сгущалась, и это принесло молодому ученому немало испытаний и трудностей. Он не был диссидентом — он просто стоял за правду, жертвуя ради нее благополучием и рискуя возможностью заниматься любимым делом. Когда в конце 1960-х стали разворачиваться политические репрессии, Ю. Д. Апресян был среди тех, кто выступал в защиту несправедливо осуждаемых и поддерживал друзей и товарищей, протестовавших против преступлений советской власти. Позднее в своих воспоминаниях о Константине Бабицком, с которым он подружился в Институте русского языка и который вместе с другими участниками демонстрации протеста против ввода советских войск в Чехословакию 25 августа 1968 г. на Красной площади в Москве был приговорен к нескольким годам ссылки, Апресян с восхищением писал: «Для него “жить не по лжи” было абсолютно органично. Его поступки отличались спокойной силой, достоинством и какой-то естественной красотой». Эти слова в полной мере приложимы и к самому Юрию Дерениковичу, не скрывавшему свое несогласие с аморальной властью и заплатившего за свои убеждения изгнанием из института. За этим последовали негласные запреты и ограничения, препятствовавшие его научной и преподавательской деятельности; советские научные журналы не принимали к публикации его статьи, а из работ коллег удалялись ссылки на его труды.

В 1972–1985 гг. Ю. Д. Апресян получил научное пристанище в московском НИИ «Информэлектро», где вокруг него стали собираться талантливые лингвисты и программисты. В 1985 г. часть этого коллектива перешла вместе с Апресяном в Институт проблем передачи информации АН СССР. Это был период интенсивных поисков в области создания формальных моделей языка и систем автоматического перевода научно-технических текстов. Ценность этой работы определялась тем, что она давала уникальную возможность верифицировать лингвистические гипотезы и построения, подвергая их экспериментальной проверке. Результатом

стало создание системы машинного перевода, получившей название «ЭТАП». Все это время действовал знаменитый московский семинар по теоретической семантике под руководством Ю. Д. Апресяна, из его постоянных участников сформировалась Московская семантическая школа.

Идеи и построения в области лингвистической теории перевода находили практическое применение и в созданных Ю. Д. Апресяном и под его руководством новых двуязычных англо-русских словарях, к числу которых относится многократно издававшийся «Англо-русский синонимический словарь» (в соавторстве с Т. Э. Латышевой, М. А. Мосягиной, А. И. Розенманом и В. В. Ботяковой, 1979) и ряд других англо-русских словарей, в том числе трехтомный «Новый большой англо-русский словарь» (1993) — один из наиболее объемных и подробных двуязычных словарей в мире (250 тыс. словарных статей).

Политические перемены 1990-х принесли официальное признание научным заслугам ученого, имя которого к тому времени пользовалось мировой известностью. В эти годы он читает лекции и спецкурсы по машинному переводу, семантике и системной лексикографии в российских и зарубежных университетах. Его избирают действительным членом РАН (1992), ему присуждается престижная научная премия Гумбольдта (1993), звание почетного профессора Московского университета (1999), а позднее также доктора *honoris causa* Софийского университета с присуждением почетной «Синей ленты» (2005) и доктора *honoris causa* Варшавского университета (2012).

В 1990 г. Ю. Д. Апресян был вновь приглашен в Институт русского языка РАН, где в скором времени создал и возглавил сектор теоретической семантики. Его возвращение стало знаковым событием для института, вновь обретавшего высокую научную репутацию в мире. Коллектив сектора приступил к созданию синонимического словаря русского языка принципиально нового типа, опиравшегося на программные идеи и принципы Московской семантической школы: интегральность грамматики и словаря, системность описания семантических связей слова; установку на реконструкцию заложенной в языке «наивной» картины мира, позволяющую выделить специфичные элементы русского языка; толкование сложных значений через более простые. Итогом этой работы стал «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» (1997–2003; 2-е изд., испр. и доп., — 2004) — беспрецедентный по объему информации словарь, описывающий семантические, синтаксические, сочетаемостные, просодические, коммуникативные и другие свойства синонимов современного русского языка. За значительный вклад в развитие лексикологической теории и создание «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» Ю. Д. Апресян был награжден академической золотой медалью имени В. И. Даля (2004).

Следующей амбициозной задачей, над решением которой трудится сейчас коллектив лексикографов под руководством Ю. Д. Апресяна, стало создание «Активного словаря русского языка». Цель этой работы — сообщение исчерпывающего объема сведений о каждом слове в каждом из его значений, которое обеспечивает не только понимание этого слова в произвольном контексте, но и его правильное

использование в речи говорящих. Кажется, что этот словарь достигает той степени совершенства, когда научный результат воспринимается как установленная истина.

Вся профессиональная деятельность Ю. Д. Апресяна — чистейший образец гражданственного служения. Мало кто из наших современников трудится с такой верностью своей специальности и профессии, с таким ясным сознанием своего научного долга. Благодаря Ю. Д. Апресяну отечественные семантические исследования вышли на принципиально новый уровень, во многом превосходящий аналогичные результаты коллег в других странах. Конечно, подобные достижения в науке бывают и случайными, во всяком случае, понять их первопричину часто бывает не просто. И все же, оглядываясь с гордостью на эти достижения, мы видим, что они были бы невозможны без воодушевляющего энтузиазма Апресяна, без выдающихся качеств его личности, в которой мужество соединено с сердечностью и дружелюбием, а невеселый жизненный опыт уживается с детской непосредственностью и готовностью удивляться и восхищаться. В его монографии «Исследование по семантике и лексикографии. Т. 1: Парадигматика» (2009) есть эпиграфы, которые дают некоторое представление об импульсах, питающих его творчество.

Первый эпиграф — из Гете, он про необходимость научного *смирения*: «Сагу следует рассказывать так, как она происходила. Реальность укладывается в любую теорию лишь на тот лад, на какой живое тело подходит ко всякому кресту, на котором оно распинается». Второй — из Пушкина, это про то, что *любовь* превыше всего: «И нет истины, где нет любви». Третий эпиграф — из Пастернака — про *чудо* языка: «Язык — родина и вместилище красоты и смысла — сам начинает говорить за человека». Наконец, четвертый эпиграф взят из речи Дашковой на открытии Российской академии. На фоне первых трех он выглядит буднично и деловито, но все ведет к нему, и он говорит про *призвание* и гражданский *долг* ученого: «Сочинение грамматики и словаря — да будет первым нашим упражнением».

Такие высокие понятия не могут оставлять коллег равнодушными. Работать под руководством Апресяна — значит сообщать заниматься интересным делом в атмосфере дружеских бесед и дискуссий. Характерный для Ю. Д. Апресяна, этот стиль на самом деле воплощает идеалы и традиции свободного академического творчества. Мы все учимся у Юрия Дерениковича тому, как можно и нужно трудиться, благоустривая мир и заботясь друг о друге, стремясь к тому, чтобы наша деятельность приносила радость и пользу.

90-летие академика Апресяна — это наш общий праздник. Друзья и коллеги сердечно приветствуют юбиляра своими публикациями и желают ему доброго здоровья, сил и бодрости.

Л. П. Крысин

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

leonid-krysin@mail.ru

ЮРА

Я познакомился с Апресяном в 1960 году, когда он пришел на работу в Институт русского языка АН СССР. Мы оба были молоды (хотя Юра немного старше) и поэтому называли друг друга по именам, а не по именам-отчествам. И навсегда, даже сейчас, в нашей старости, он для меня Юра, а не Юрий Дереникович.

Юра — человек многогранный. И сколько бы ни говорить о разных гранях его характера и интеллекта, нет риска повториться или исчерпать примеры, иллюстрирующие ту или иную грань.

Я хочу сказать несколько слов о таких чертах Юры, которые на первый взгляд кажутся мало совместимыми в одном человеке. Это, с одной стороны, спокойное терпение, терпеливость и терпимость, а с другой — горячность, страстная неприимчивость, крайняя неуступчивость.

Юра необыкновенно терпелив и терпим в общении с друзьями. Вот пример этих его свойств.

Ровно полвека тому назад, в конце марта 1969 года, мы вчетвером — Юра, Марина, я и Юрий «походный» приятель Вилен Фельдман — отправились в Хибин в лыжный поход. Мне достались широкие лыжи, принадлежавшие Косте Бабицкому, окантованные металлической полосой и поэтому очень прочные, но довольно тяжелые. Когда мы выгрузились на станции Апатиты и стали на лыжи, я понял — к сожалению, поздно, — что ходьба на лыжах с тридцатикилограммовым рюкзаком за плечами — это совсем не тот вид лыжного хода, к которому мы, жители равнинного города Москвы, привыкли.

В первые минуты я просто не мог двинуть ногами и пойти вперед. Кое-как приоровившись к новому виду передвижения, я поплелся за своими товарищами и, несмотря на приличный мороз, взмок уже на первых ста метрах. Сразу понял, что буду обузой для остальных. Но ни от кого, и прежде всего от Юры, который, естественно, считался капитаном нашей группы, я не услышал ни звука упрека.

А ведь это были еще цветочки. Когда после ночевки мы подошли к перевалу (был ли это Чоргорр или Кукисвумчорр, я сейчас не помню), вверх, по длинному

пологому тягуну, я двигался сносно, а на спуске кувырвался так, что лыжи лете-ли в одну сторону, очки — в другую, рюкзак — в третью, а я зарывался глубоко в сугроб. И так несколько раз. Все это было бы смешно, но мы были далеко от жи-льи и от людей. И если бы я сломал лыжи или, еще хуже, руку или ногу, несладко пришлось бы не только мне, но и всем нам. Юра это понимал, но с потрясающим терпением опекал меня, помогая спуститься в долину.

В этом же походе я мог наблюдать и другое из упомянутых свойств Апреся-на — горячность в сочетании с бесстрашием и настойчивостью.

Поход наш заканчивался, и нам предстояло выбираться к Кировску, откуда мож-но ехать уже на поезде. Но до Кировска было километров двадцать пять заснежен-ной безлюдной хибинской тундры. От стоянки геологов, к которой мы подошли, несколько раз в неделю ходил вездеход. В его кузове нам разрешили устроиться.

Долгое ожидание отправки. Наконец почти на четвереньках приползают трое в дым пьяных водителей. Садятся в кабину, прихватив с собой большую бутылку спирта (который продолжают пить во время движения). Марину мы посадили с ними, потому что в кабине намного теплей, чем в кузове.

Примерно в середине пути мы с Юрой (а Вилен, закутавшись в спальный ме-шок, безмятежно проспал всю дорогу!) замечаем, что вездеход идет как-то стран-но: то двигается в одном направлении, то начинает идти обратно, то поворачивает под прямым углом и ползет на невысокие горы, которые окружают абсолютно без-жизненную, но какую-то совсем не страшную долину. Словом, как нам казалось, машина кружит на одном месте.

Стучим изо всех сил по крыше кабины, чтобы остановить вездеход. Наконец останавливают.

Юра спрыгивает вниз и начинает яростно ругаться с водителями, которые со-вершенно потеряли человеческий облик. К тому же во время движения они еще и подрались, так что один из них был в крови.

В отличие от бесстрашного Юры я вел себя совсем иначе: я испугался и в то же время понял, что криком от этих мужиков, которые привыкли и к ругани на-чальства, и к постоянному крутому мату, ничего не добьешься. Я стал их уговари-вать ехать именно в Кировск, взять нужное направление движения. Конечно, эти жалобные уговоры были столь же безрезультатны, сколь и Юрин крик. Но Юра по крайней мере действовал, а не только ругался с водителями: заставив их оста-новиться, он с компасом в руках отбежал на несколько метров вперед (чтобы ме-таллический корпус вездехода не влиял на стрелку компаса) и стал определять на-правление движения. К его и моему удивлению, оказалось, что смертельно пьяные водители ехали правильно...

Пример Юриной непримиримости — из более близкой всем нам «окололингви-стической» действительности.

В середине 1960-х годов одна из наших коллег защищала в Институте русско-го языка диссертацию. После защиты было застолье, звучал магнитофон, и вот этот магнитофон «Днепр», довольно тяжелый, надо было после банкета доставить в один дом, который хотя и был недалеко от Института, но все же не рядом. Один

из гостей, известный и успешный человек, был с машиной. Он предложил отвезти магнитофон на машине. Но Юра, который давно не любил этого человека (и было за что), не позволил ему это сделать. Он взял магнитофон (а «Днепр», если кто еще помнит, представлял собой весьма увесистый ящик), взвалил его себе на плечо и понес. Машина ехала рядом, человек за рулем уговаривал Юру прекратить эту бессмысленную, с его точки зрения, акцию. Но Юра был неумолим и непримирим. Так и донес магнитофон до нужного дома.

Я хочу закончить вот чем. Я благодарен судьбе за то, что она свела меня с этим замечательным человеком, которого я знаю вот уже в течение почти шестидесяти лет и которого почитаю как старшего брата и люблю как близкого друга.

L. P. Krysin

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

leonid-krysin@mail.ru

YURA

Розанна Бенаккьо
Падуанский университет
Департамент языковых и литературных исследований
(Италия, Падуя)
rosanna.benacchio@unipd.it

ЗНАЧЕНИЯ И ФУНКЦИИ ПЕРФЕКТИВИРУЮЩЕГО СУФФИКСА NU- В РЕЗЬЯНСКОМ ДИАЛЕКТЕ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ)

В статье анализируется употребление перфективирующего суффикса *ni-* в резьянском диалекте, принадлежащем к группе сохранившихся словенских лингвистических островов, бытующих в Северо-Восточной Италии, на границе со Словенией. В последние годы появились разные работы по поводу суффикса *nu-* в русском (особенно разговорном) языке, которые подчеркивают его многослойную семантику, выражающую как семельфактивную, так и просто перфективирующую функцию. Подобная картина встречается и в резьянском диалекте, где суффикс *ni-* характеризуется сложной семантикой, выражающей как семельфактивное (см., например, *pjüwat / pjüwnut* ‘плевать / плюнуть’, *kapat / käpnut* ‘капать / капнуть’), так и результативное значение, чаще всего в сочетании с префиксом *za-* (см., например, *garmët / zagyrnnut* ‘греметь / прогреметь’, *lajat / zalajnut* ‘лять / пролать’). Несмотря на это, в резьянском диалекте просто перфективирующая функция суффикса *ni-* не распространена так широко, как в русском языке, и его (исконная) семельфактивная функция более сохранна. Анализ еще раз подтверждает архаичный характер резьянского диалекта и его значение для реконструкции процесса грамматикализации славянского глагольного вида.

Ключевые слова: глагольный вид, семельфактивный способ действия, суффикс *ni-*, резьянский диалект, русский язык.

1. Постановка вопроса

Как известно, глагольный суффикс **nr-*, имеющий перфективирующую функцию, встречается уже в старославянском языке (где он появляется как *n̄-*) и засвидетельствован во всех современных славянских языках. Он является наследием праславянского, имеющим корни в индоевропейском языке [Schuyt 1990:

263–287]¹. Этот суффикс считается одной из главных морфем, участвующих в выражении категории славянского глагольного вида.

О суффиксе *пу-* (и вообще о семельфактивном значении) в русском языке в последние годы писали разные ученые [Зализняк, Шмелев 2000; Падучева 1996; Плуныян 2000; Dickey 2001; Dickey, Janda 2009; Makarova, Janda 2009; Nessel 2013; Sokolova 2015; Горбова 2016, и др.]. Все они подчеркивают сложную семантику данного суффикса, включающую как семельфактивную, так и просто перфективирующую функции. На эту особенность обращалось внимание и раньше [см.: Исаченко 1960; Мелиг 1994; Храковский 1989; 1998, и др.], однако на настоящем этапе исследований, основывающихся на материале [НКРЯ] и вообще на языковом материале интернета, все ярче проявляется присутствие в русском языке (особенного в разговорном стиле) последней, т. е. просто перфективирующей, функции. Это заставляет нас снова обратиться к изучению данного суффикса и еще раз тщательно проанализировать перечисленные выше исследования.

А. В. Исаченко в своей фундаментальной работе, все еще играющей ключевую роль в русской современной грамматической науке, детально анализирует «способы действия» (в его терминологии — «совершаемости»), в частности «однократную совершаемость». Прежде всего, он возражает авторам академической «Грамматики» 1960 г., которые приписывают *пу-*глаголам значение не только однократности, но и мгновенности. По его мнению, второе значение (точнее, оттенок значения) не является первичным: оно связано не с однократностью, выраженной *пу-*глаголом, а с индивидуальным лексическим значением самого глагола: «семантика однократных глаголов сама по себе не содержит указаний на “мгновенность” или “моментальность” действия» [Исаченко 1960: 253].

Подобным же образом Исаченко возражает также против «либерализма» тех, кто считает суффикс *пу-* просто морфологическим показателем совершенного вида (далее — СВ), наравне с префиксами. Он полностью разделяет мнение Ю. С. Маслова, считающего, что данный суффикс всегда связан с определенными способами действия, чаще всего — с семельфактивными, и что в процессе перфективации через *пу-* «не возникает форма, вполне тождественная исходной по своему лексическому значению» [Маслов 2004: 448].

Исаченко добавляет, что многофазисный характер действия может утрачиваться и образования на *пу-* могут выражать чистовидовое значение только в определенных случаях. Прежде всего это касается тех приставочных *пу-*глаголов, по поводу которых можно сказать, что в языке уже потерялось сознание деривационной связи с исходным глаголом. См., например, *вспыхнуть* / *вспыхивать* (в русском

¹ Как отмечает автор, этот суффикс с самого начала его появления (т. е. уже в старославянском языке) имел двойную функцию, образуя не только глаголы совершенного вида (мотивированные глаголами), но также (хотя в меньшей мере) и несовершенного вида (мотивированные прилагательными) [Schuyt 1990: 263]. Та же самая ситуация наблюдается и в современных славянских языках. О ситуации в русском языке см., например, [РГ 1980/1: 347–348]. Однако объектом нашего анализа будут только те глаголы, в которых данный суффикс имеет перфективирующую функцию.

языке нет больше глагола *ныхать*), *заснуть* / *засыпать* (нет больше бесприставочного глагола, соответствующего глаголу *заснуть*) [Исаченко 1960: 254].

Такой эффект слияния чистовидового и однократного значения может проявляться и у приставочных *ну*-глаголов. По утверждению Исаченко, однако, если детальнее рассмотреть семантику таких глаголов, то видно, что речь идет об омонимии исходных бессуффиксных глаголов, которые в определенных условиях могут выражать нерасчленимую семантику, а в других — расчленимую, многофазисную. В первом случае суффикс *ну*- образует просто коррелят СВ (т. е. несет чистовидовое значение), во втором он образует однократный способ действия. См., например, *зевать*₁ (производить один зевок) / *зевнуть*^{св рез} и *зевать*₂ (производить зевки) / *зевнуть*^{св сем}. См. также глаголы *прыгать* / *прыгнуть*, *плевать* / *плюнуть*, *глотать* / *глотнуть* и др. [Исаченко 1960: 255–257; см. также: Мелиг 1994: 598].

Исаченко выделяет еще один случай стирания однократного значения у приставочных *ну*-глаголов и замены его чистовидовым. Это случай глаголов типа *коснуться*, *тронуться* и т. д., характеризующихся тем, что соответствующие бесприставочные, имперфективные глаголы *касаться*, *трогаться* уже не представляются внутренне расчленимыми [Исаченко 1960: 257–258, сноска 1].

Несмотря на эти отдельные случаи первичной функцией суффикса *ну*- (у глаголов СВ) является именно выражение многократного способа действия (от многофазисных глаголов).

Другой интересный момент работы Исаченко, не потерявший свою актуальность, — это перечисление классов *ну*-глаголов, выражающих семельфактивное значение. Это прежде всего глаголы, обозначающие «конкретные действия человека или животного», типа *бодать* — *боднуть*, *зевать* — *зевнуть*, *клевать* — *клюнуть*, *хлестать* — *хлестнуть*, *чихать* — *чихнуть* и т. д. [Исаченко 1960: 258–259]. Другой класс — это глаголы, обозначающие «звуки или действия, сопровождаемые звуками», типа *гавкать* — *гавкнуть*, *квакать* — *квакнуть*, *мяукать* — *мяукнуть*, *кричать* — *крикнуть*, *хлопать* — *хлопнуть* и т. д. [Там же: 259–260]. Представлены также глаголы, обозначающие разные оптические эффекты, также воспринимаемые как расчленимые. Это, например, *блестеть* — *блеснуть*, *мелькать* — *мелькнуть* и т. д. Наконец, автор упоминает разные неологизмы, все чаще появляющиеся в разговорном языке, необязательно производные от многофазисных глаголов, имеющие шуточный оттенок, типа *хохотать* — *хохотнуть*, а также *агитировать* — *агитнуть*, *пасовать* (мяч) — *паснуть* и т. д. Как мы увидим далее, подобные замечания появляются и в [Neset 2003].

В своем исследовании об итеративных конструкциях, проведенном в типологическом ракурсе, В. С. Храковский также связывает семельфактивы с определенным классом глаголов, т. е. с глаголами, которые он вслед за Масловым называет *мультипликативами*. Это неопределенные глаголы несовершенного вида (далее — НСВ), обозначающие серии регулярно повторяющихся «(микро)действий»², остающихся тождественными себе в течение всего периода их совершения и составляющих

² В другой, более поздней работе автор употребляет термин *кванты* [Храковский 1998: 487].

в совокупности прерывистый процесс. Автор уточняет также, что речь идет о глаголах, обозначающих «непосредственно воспринимаемые органами чувств человека конкретные физические действия или (непоступательные) движения» и что «многие из этих глаголов можно охарактеризовать как светоизобразительные или образные» [Храковский 1989: 25].

Подобным же образом Мелиг [1994: 598–599] связывает сингулятивы с мультипликативами (которые он рассматривает наравне с индивидуативами и континуативами относительно имен существительных) и не принимает «расширенного» определения семельфактивного значения.

В рамках такого традиционно сложившегося подхода, предпочитающего «узкое» определение русского семельфактива, В. Плунгян снова возвращается к проблеме чистовидового значения суффикса *ну-*, конкурирующего с «каноническим» семельфактивным значением. В одной работе, проведенной в типологическом ключе [Плунгян 2000], он тщательно анализирует разные возможные значения суффикса *ну-*, выделяя четыре класса *ну-*глаголов, а именно:

- «кванты» — это производные бесприставочные глаголы, см. *кашлянуть* (< *кашлять*), *шагнуть* (< *шагать*);

- «события» — это в основном непроизводные глаголы, в которых суффикс *ну-* является показателем мгновенности, см.: *звездануть*, *кокнуть*, *хлынуть*;

- «комплетивы» — это глаголы, производные от приставочных предельных глаголов НСВ, с которыми они образуют видовые пары. Иными словами, суффикс *ну-* является здесь просто морфологическим показателем СВ. Подтверждая мнение, выраженное в свое время А. В. Исаченко, Плунгян отмечает, что у этих глаголов стирание семельфактивной семантики произошло под влиянием приставок. См.: *придвинуть* / *придвигать*, *заснуть* / *засыпать*;

- «свертки» — это очень продуктивный в современном русском языке класс разговорных (и сленговых) глаголов, обозначающих «сокращенные» процессы. Функция суффикса *ну-* у этих глаголов — передать оттенок «ущербности», «второстепенности». См.: *гульнуть*, *курнуть*, *пугнуть*, *психануть*.

Анализ Плунгяна является исчерпывающим: хотя «настоящие» семельфактивы (кванты) трактуются отдельно, тем не менее выделяются и точно определяются и другие существующие в русском языке типы *ну-*глаголов, включая те, которые все больше распространяются в разговорном языке.

Следует также упомянуть работы, проведенные в когнитивной перспективе норвежской исследовательской группой CLEAR [Sokolova 2015; Makarova, Janda 2009, и др.]. В них суффикс *ну-* в русском современном, особенно нестандартном, языке считается маркирующим аспектуальным элементом квазиуниверсального характера (*a near-universal aspectual marker*). Среди этих исследований особенно интересна, с нашей точки зрения, работа [Nesset 2013], выполненная в диахроническом ключе, в которой излагается история развития семельфактивного способа действия в русском языке (начиная со старославянского). Семельфактивность анализируется как радиальная категория, организованная вокруг прототипического значения (прототипа), который составляют четыре свойства: 1) нерасчлененность

(*uniformity*), 2) моментальность (*instantaneousness*), 3) нерезультативность (*non-rezultativity*), 4) семейфактивность (*single occurrence*).

По данным, собранным автором, семейфактивное значение у *ну*-глаголов распространилось в таком порядке: сначала (XI в.) оно появляется у глаголов, выражающих телесное движение (*Bodily acts, mouth- and hand-based*), потом (XII в.) — у глаголов, обозначающих акустические действия (*Auditory verbs*), вслед за этим (XIII в.) — оптические явления (*Optical verbs*)³. Только позднее (XVII в.) оно стало появляться и у глаголов, обозначающих перемещение тела из одной позиции в другую (*Verbs of physical movement*). В старославянском языке представлены только глаголы первого типа (*Bodily acts*), в то время как другие типы глаголов встречаются начиная с древнерусских памятников [подробнее см.: Nessel 2013: 146–156]. Автор заканчивает замечанием, что в последние годы в русском языке стала все ярче проявляться тенденция к образованию *ну*-глаголов с результативным значением от глаголов, обозначающих в основном поведение человека (так называемые *Behavior / Miscellaneous verbs*)⁴.

Другой вопрос, вызывающий разногласия у лингвистов, занимающихся семейфактивным способом действия в русском языке, касается статуса префикса *с-* с такой же, семейфактивной, функцией. Иными словами, вопрос состоит в том, являются ли, например, глаголы *сгруппить, сробеть, соригинальничать* алломорфами глаголов СВ, образованных посредством суффикса *ну-*. Исаченко, например, считает, что эти глаголы несут чисто семейфактивное значение точно так же, как *ну*-глаголы, несмотря на то, что лексические классы, к которым они принадлежат, отличаются от тех, которые порождают *ну*-глаголы [Исаченко 1960: 266].

Похожего мнения придерживаются Л. Янда и С. Дики [Dickey, Janda 2009], которые на основе морфологического, а также диахронического анализа считают *с-* и *-ну-* алломорфами, поскольку они обладают одинаковой функцией — образовывать семейфактивные глаголы. Дики, в частности, прибавляет, что в русском языке префикс *с-* приобрел семейфактивное значение в XVII–XVIII вв, после того как в русском языке префиксация стала главным формальным показателем перфективности, частично заменяя суффикс *ну-*, который постепенно утратил свою специфичность и стал «универсальным маркером» СВ.

Противоположное мнение выражает М. А. Шелякин, который считает нецелесообразным выводить семейфактивное значение за пределы мультипликативов, трактуя *с-* наравне с *ну-* [Шелякин 2007: 160–161]. Подобное мнение недавно высказала и Е. Горбова [2016].

Настоящей работой нам бы хотелось внести свой вклад в дискуссию о семантике и функции перфективирующего суффикса **пг-* в славянском языковом ареале. Мы будем исходить из результатов рассмотренных выше исследований,

³ Глаголы, обозначающие оптические действия, интересны тем, что являются неконтролируемыми — в отличие от предыдущих глаголов, для которых характерна контролируемость.

⁴ Автор включает также контролируемые глаголы, связанные с компьютером и вообще с кибернетическим пространством [Nessel 2013: 162].

проведенных в основном на материале русского языка, но имеющих теоретическое значение в применении к славянским языкам вообще. Данные результаты мы будем проверять на материале резьянского диалекта — лингвистического острова на периферии славянского ареала, в итальянской области Фриули, на границе со Словенией. Благодаря своей периферийной (и несколько изолированной) позиции этот диалект характеризуется разными архаическими чертами и тем самым представляет большой интерес для более полного определения свойств славянской категории глагольного вида [см.: Бенаккьо 2018; 2019].

Корпус, на котором будет проводиться анализ, составляет материал, собранный Х. Стэнвейком в городке Сан-Джорджо (резьянское наименование — *Била*) [см.: Steenwijk 1992: 237–338], и данные, полученные нами в результате опроса информантов из того же самого населенного пункта.

При анализе резьянских фактов мы будем трактовать отдельно случаи употребления суффикса *ni-* в бесприставочных (2.1) и приставочных (2.2) глаголах.

2. Суффикс *ni-* в резьянском диалекте

2.1. Суффикс *ni-* с бесприставочными глаголами

2.1.1. Бесприставочные глаголы с *ni-* в резьянском диалекте — это в основном глаголы, которые в классификации, приведенной выше, Плунгян называет «квантами», т. е. это семельфактивные глаголы, производные от мультипликативов:

kapat — *käpnut* ‘капать — капнуть’,
kīmat — *kymnut* ‘клониться (о голове, от усталости)’,
kīnkat — *kynknut* ‘лягать — лягнуть’, ‘пинать — пнуть’,
pījat — *pyhnut* ‘дуть — дунуть’,
pīkat — *pyknut* ‘клевать — клюнуть (о курице, птице)’,
pjūwat — *pjūwnut* ‘плевать — плюнуть’,
pyrdēt — *pyrdnut* ‘пердеть, –пернуть’,
rīgat — *rygnut* ‘рыгать — рыгнуть’,
stopat — *stopnut* ‘ступать — ступить’,
šlepat — *šlepnut* ‘шлепать — шлепнуть’,
švīgat — *švygnut* ‘стегать — стегнуть’,
trūšat — *trūšnut* ‘бодать — боднуть’.

Как можно увидеть, все эти глаголы образованы от бесприставочных форм НСВ, являющихся неопределёнными глаголами (действиями), обозначающими серии регулярно повторяющихся квантов. Форма СВ, образованная от этих глаголов, обозначает единичный квант, входящий в серию, и выражает не просто СВ, а семельфактивный способ действия. Это можно увидеть по следующим примерам, где употребление бесприставочной формы НСВ с функцией итеративности или процессуальности сопоставляется с *ni-*формой СВ, выражающей семельфактивную семантику:

- (1a) *Rubinët an kapjë* ‘Кран капает’.
 (1б) *Rubinët an jë kapal, ma dopo somö ga sjortali* ‘Кран капал, но мы его починили’.
 (1в) *To jë käpnulu. To lijë* ‘Закапал дождь. Идет дождь’.
 (2a) *To wžë pözdë. Mamö jtyt. Utrucy kïmajö* ‘Уже поздно. Пора идти. У детей голова клонится’.
 (2б) *Dëd an jë rüdi kïmal ta-prid tilivižjun* ‘У деда всегда клонила голова перед телевизором’.
 (2в) *An je kymnul anu se zbüdil na din bot* ‘У него склонилась голова, и он проснулся’.
 (3a) *Stuj atent! Ni stuj se parbližnjit mäsa muć. Müš an kïnka* ‘Осторожно! Не подходи слишком близко. Осел лягается’.
 (3б) *Müş an jë rüdi kïnkal* ‘Осел всегда лягался’.
 (3в) *Nur müš an jë kynknul anu me wdaril le jzdë, ta-na lanito* ‘Однажды осел лягнул меня и попал мне в щеку’.

То же самое можно сказать о следующих примерах, где (транзитивный) глагол обозначает действие человека (‘пинать / пнуть’):

- (4a) *Wotrök an kïnka balun ta-na dwurü* ‘Ребенок пинает мяч во дворе’.
 (4б) *Wčera utrucy so kïnkali balun ta-na dwurü wsë pujütrë* ‘Вчера дети пинали мяч во дворе все утро’.
 (4в) *An jë kynknul balun anu jë scipil verin* ‘Он пнул мяч ногой и разбил стекло’.

Примеры а) и б) показывают употребление бесприставочных мультипликативных глаголов НСВ соответственно в презенсе (актуально-длительное значение) и в прошедшем времени (многократное или узуальное значение), в то время как в примерах в) глаголы СВ, образованные посредством суффикса *ni-*, обозначают реализацию одного из квантов деятельности.

Аналогичные примеры можно привести со всеми остальными глаголами.

Большинство из перечисленных выше глаголов встречается также в списках семьфактивных *nu-*глаголов, представленных в процитированных выше работах [Исаченко 1960; Nessel 2013], составленных соответственно на материале современного русского языка и старославянских и древнерусских памятников. Как и эти глаголы, приведенные нами резьянские глаголы также — с точки зрения лексической семантики — обозначают в основном конкретные физические действия — телесные движения человека или животного, чаще всего сопровождаемые звуками.

Исключение составляет только глагол *kapat* — *käpnut*, который выражает не телесное движение, а просто звук, регулярно повторяющийся через небольшие интервалы времени. Этот глагол также засвидетельствован (хотя весьма редко) в старославянском языке, см. *калати* — *кавutti* [Nessel 2013: 132].

2.1.2. Среди резьянских бесприставочных глаголов с *ni-* нашлись только два глагола, принадлежащих к классу «событий» (по классификации Плунгяна), т. е. к классу глаголов, в которых суффикс *ni-* является показателем мгновенности:

bocat — *bocnut*⁵ ‘колоть — кольнуть; совать — сунуть’,
mičat — *muknut* ‘молчать — умолкнуть’.

Ср. следующие примеры:

- (5a) *Stuj atent! Jë din tyrn ki an boca* ‘Осторожно! Там колючка. Она колется’.
 (5б) *Jte tyrn an me bocnul* ‘Шип кольнул меня’.
 (6a) *An jë rüdi mučal ko rumunila njagä žanä* ‘Он всегда молчал, когда говорила его жена’.
 (6б) *Na jë vidala nu muknula* ‘Она увидела и замолкла’.

Легко убедиться в том, что в данных случаях *ni*-глаголы не выражают семельфактивный способ действия. Они скорее являются коррелятами СВ соответствующих бесприставочных глаголов, хотя характеризующий их прибавочный оттенок мгновенности не позволяет строго определять данные глаголы как видовые пары⁶.

2.1.3. Отдельно следует рассмотреть следующие глаголы, регулярно встречающиеся в резьянском диалекте и обозначающие в основном акустические явления, т.е. (контролируемые) действия, сопровождаемые звуками, чаще всего у животных. Характеристика этих глаголов состоит в том, что у них формы СВ образуются посредством циркумфикса *za-...ni-*, передающего «ослабленное» семельфактивное значение, в то время как «простые» формы с *ni-* (с чисто семельфактивным значением) практически не появляются⁷. Это можно увидеть по следующему списку⁸:

bawkat — *zabawknut* — [?]*bawknut* ‘гавкать — гавкнуть’,
blejat — *zablejnut* — [?]*blejnut* ‘блеять — проблеять’,
bükat — *zabüknut* — [?]*büknut* ‘мычать — промычать’,
lajat — *zalajnut* — [?]*lajnut* ‘лаять — пролаять’,
garmët — *zagyrmnut* — [?]*gyrmnut* ‘греть — прогреть’.

Можно сказать, что в приведенных выше глаголах циркумфиксная форма образует своего рода коррелят СВ бесприставочной формы НСВ, однако с дополнительным оттенком: называется действие, которое только что произошло (точнее, звук, который только что раздался). См. следующие примеры:

- (7a) *Pys jë bawkal wso nuć* ‘Собака гавкала всю ночь’.
 (7б) *Si čüla? Pys jë zabawknul* ‘Ты слышала? Собака гавкнула’.

⁵ Этимология этого глагола неясна.

⁶ О проблематичном статусе *ni*-глаголов, обозначающих «события» в русском языке, см. [Плунгян 2000: 219–220].

⁷ Некоторые информанты не исключают существование этих *ni*-форм, но считают их устаревшими.

⁸ Количество этих глаголов гораздо больше: такой циркумфикс является очень продуктивным со всеми глаголами, принадлежащими к вышеуказанному лексическому классу.

- (8а) *Kozä (na) jë blejala wso nuć* ‘Коза бляла всю ночь’.
 (8б) *Si ćüla? Na jë zablejnula* ‘Ты слышала? Коза проблеяла’.
 (9а) *Krawa na бүkala wso nuć* ‘Корова мычала всю ночь’.
 (9б) *Si ćüla? Krawa na jë zabüknula* ‘Ты слышала? Корова только что промычала’.

2.2. Суффикс *ni-* с приставочными глаголами

В резьянском диалекте встречается также некоторое количество глаголов, образованных посредством суффикса *ni-* от приставочных глаголов. Это «комплетивы» по классификации Плунгяна.

Как было замечено в исследованиях по русскому языку, указанных в начале работы, в данном случае речь идет не о семейфактивах, а просто о парных перфективах, где *nu-* является просто морфологическим показателем СВ. Семантическая (семейфактивная) стертость комплетивов произошла под влиянием приставок, чаще всего у тех глаголов, у которых потерялось «осознание» (деривационной) связи *nu-*глагола с исходным глаголом.

То же самое можно сказать по поводу резьянского диалекта: у всех найденных в нашем корпусе комплетивов исходные, бесприставочные формы НСВ практически больше не употребляются или являются периферийными. См., например:

nagledat — *naglednut* ‘вдруг увидеть — заметить’,
splaknüwat — *spläknut (büle)* ‘полоскать — сполоснуть (белье)’,
wsanüwat — *wsanüt* ‘засыпать — заснуть, уснуть’,
wzdigüwat — *wzdygnut* ‘поднимать — поднять’.

3. Суффикс *ni-* и префикс *s-*

Как было сказано в начале статьи, другой вопрос, волнующий русских лингвистов, касается статуса префикса *s-*, который в русском языке в применении к определенным глаголам (правда, принадлежащим к другим лексическим классам по сравнению с теми, которые употребляются с суффиксом *nu-*) образует глаголы СВ, для которых характерно семейфактивное (или близкое к семейфактивному) значение.

В резьянском диалекте ситуация несколько иная. Если принимать во внимание проанализированные выше «кванты» (2.1.1), а также глаголы, прибегающие к циркумфиксу *za-...ni-* (2.1.3), легко убедиться, что практически у всех этих глаголов есть «вариант», образованный префиксом *s-*. Однако образованные посредством суффикса или префикса глагольные формы СВ не имеют такого же (семейфактивного) значения, и называть их алломорфами невозможно. По мнению информантов, эти формы различаются тем, что суффикс *ni-* всегда придает глаголу семейфактивное значение⁹, в то время как префикс *s-* скорее выражает чистовидовое

⁹ Правда, в случае употребления циркумфикса *za-...ni-* такое значение является ослабленным.

значение и обозначает действие, которое имело место не один раз, а несколько раз в короткий промежуток времени. В первом случае, как мы уже видели, речь идет о «семельфактивном» способе действия, во втором — о корреляте СВ, образующем пару с исходным, бесприставочным глаголом. См., например, следующие пары, образованные от тех же мультипликативов, от которых при помощи суффикса *nu-* образуются «кванты» (см. выше 2.1.1): *kapat* — *skapat*, *kinkat* — *skinkat*, *pijat* — *spijat*, *pikat* — *spikat*, *pjuwat* — *spjuwat*, *pyrdët* — *spyrdët*, *rigat* — *zrigat*, *trüšat* — *strüšat*.

Если привести примеры, в которых появляются формы СВ этих глаголов, образованные посредством префикса *s-*, и сравнить их с соответствующими примерами, проанализированными выше (где глаголы образованы с суффиксом *nu-*), то разница в значении двух аффиксов бросается в глаза: глаголы с префиксом *s-* выражают чистовидовое значение, в то время как глаголы с *nu-* всегда сохраняют свою семельфактивную семантику. Ср., например:

(10) *To jë skapalö* ‘Покапало’.

(11) *An jë skinkal balun, ma an se štufäl anu an šyl spet gledat tilivžjun* ‘Он попинал мяч, но ему надоело, и он пошел снова смотреть телевизор’.

Если сравнить эти примеры с примерами (1в) и (3в), становятся очевидными различные значения и функции двух аффиксов в резьянском диалекте. В (10) и (11) выражается недолго длившаяся, прекратившаяся деятельность, в то время как (1в) и (3в) выражают семельфактивное действие.

См. еще следующие примеры, первый их которых (12а) описывает семельфактивную ситуацию, а второй (12б) — ситуацию, являющуюся результатом действия, которое имело место не один, а несколько раз (точнее, не в одном, а в разных местах):

(12а) *Kača me jë pyknula* ‘Змея меня укусила’.

(12б) *Pukriwa mi jë spikala* ‘Крапива меня покусала’.

Как уже было сказано, аналогичные примеры можно привести и для других просмотренных выше *nu-*глаголов, обозначающих акустические явления (см. 2.1.3).

Заключение

В резьянском диалекте глаголы с *nu-*, имеющие семельфактивное значение, представлены только в тех лексических классах глаголов, которые Т. Нессет определяет как прототипические [Neset 2013]. Они свидетельствуют, возможно, об одинаковом историческом порядке распространения, в частности о первых его фазах.

То же самое можно сказать по поводу класса *nu-*глаголов, выделенных Плунгяном в русском языке: в резьянском представлены в основном кванты и, реже, комплективы. Так называемые события почти не встречаются, а свертки не представлены никак. Видимо, значение семельфактива как кванта оказывается основным, исходным.

Что касается предполагаемого слияния (отождествления) аффиксальных форм ну- и с- в русском языке, то это не подтверждается данными резьянского диалекта, для которого характерно регулярное распределение значений s- и ну-, легко признаваемое всеми информантами. Видимо, семельфактивная функция префикса с- (если можно назвать ее таковой) в русском языке вторична.

Еще одно интересное замечание: из всех способов действия, которые распространились в русском языке (а также — более или менее — в других славянских языках), в резьянском диалекте представлен практически только семельфактивный, суффиксальный способ действия.

Итак, как мы уже видели в предыдущих работах [Бенаккьо 2018; 2019], резьянский диалект благодаря своей периферийности (и некоторой изолированности), а также благодаря тому, что он представляет собой малонормированный языковой вариант, не основанный на авторитетной письменной традиции, может оказаться полезным для реконструкции процесса формирования славянской аспектуальности.

Литература

Бенаккьо Р. Интеграция заимствованных глаголов в славянскую видовую систему: резьянский диалект // Славистика. 2018. №22 (1). С. 9–20.

Бенаккьо Р. Резьянский диалект и грамматикализация славянского глагольного вида // Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani / ur. P. Stankovska, A. Derganc, A. Šivic-Dular. Ljubljana: Filozofska Fakulteta Univerze v Ljubljani, 2019. S. 271–283.

Горбова Е. Русские семельфактивы и непрототипическая алломорфия // Russian Linguistics. 2016. №40. P. 57–78.

Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. М. : Языки русской культуры, 2000. 225 с.

Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава: Словацкая Академия наук, 1960. 577 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

Маслов Ю. С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида // Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 445–476.

Мелиг Х. Р. Гомогенность и гетерогенность в пространстве и времени. О категории глагольного вида в русском языке // Revue des études slaves. 1994. №66 (3). S. 585–606.

Падучева Е. В. Семантические исследования. М. : Языки русской культуры, 1996. 465 с.

Плунгян В. 'Быстро' в грамматике русского и других языков // Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к 70-летию акад. Ю. Д. Апресяна / ред. Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М. : Studia philologica, 2000. С. 212–223.

РГ 1980 — Русская грамматика в 2 т. / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
Храковский 1989 — Типология итеративных конструкций / отв. ред. В. С. Храковский. Л.: Наука, 1989. 310 с.

Храковский В. С. Типология семельфактива // Типология вида. Проблемы, поиски, решения / ред. М. Ю. Черткова. М.: Studia philologica, 1998. С. 485–490.

Шелякин М. А. Категория аспектуальности русского глагола. М.: URSS, 2007. 272 с.

Dickey S. “Semelfactive” *-no-* and the Western Aspect Gestalt // Journal of Slavic linguistics. 2001. №9/1. P. 25–48.

Dickey S., Janda L. Хохотнул, схитрил: the relationship between semelfactives formed with *-nu-* and *s-* in Russian // Russian Linguistics. 2009. №33. P. 229–248.

Makarova A., Janda L. A. Do it once: a case study of the Russian *-nu-* semelfactives // Scandoslavica. 2009. №55/1. P. 78–99.

Nesset T. The history of the Russian semelfactive: the development of a radial category // Journal of Slavic linguistics. 2013. №21 (1). P. 123–169.

Schuyt R. The morphology of Slavic verbal aspect. A descriptive and historical study. Amsterdam ; Atlanta : Rodopi, 1990. 435 p.

Sokolova S. “Rabotnul na slavu — Gul’ni smelo!”. “Nu” as a universal aspectual marker in non-standard Russian // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития / ред. М. Kitajo. Kyoto : Университет Киото Сангё, 2015. С. 271–277.

Steenwijk H. The Slovene dialect of Resia. San Giorgio. Amsterdam ; Atlanta : Rodopi, 1992. 352 p.

Rosanna Benacchio

University of Padova

Department of Linguistic and Literary Studies

(Italy, Padova)

rosanna.benacchio@unipd.it

THE MEANINGS AND FUNCTIONS OF THE PERFECTIVIZING SUFFIX *NU-* IN THE RESIAN DIALECT (IN COMPARISON WITH RUSSIAN)

The article deals with the use of the perfectivizing suffix *nu-* in the Slovene dialect of Resia, which is spoken by a Slavic linguistic minority in North-Eastern Italy, at the border with Slovenia. In recent years, various scholars have written about this suffix in Russian (especially in the colloquial register), emphasizing its complex semantics, which reflects both the semelfactive and purely perfective meanings. We found similar features also in the Resian dialect. Here, too, the suffix *nu-* displays a complex semantics, designating both semelfactive (e.g. *pjüwat/pjüwnut* ‘to spit,’ *kapat/käpnut* ‘to drip’) and purely resultative meanings, especially in combination with the prefix *za-* (e.g. *garmët/*

zagyrnnut ‘to rattle,’ *lajat/zalajnut* ‘to bark’). Nevertheless, in the Resian dialect the suffix *nu-* is not spreading as a simple perfectivizing morpheme as it has in Russian, and its semelfactive function is more preserved. Under this analysis, the Resian dialect confirms once again its archaic character and its importance for the reconstruction of the process of grammaticalization of the Slavic verbal aspect.

Keywords: aspect, semelfactive actionsart, suffix *-nu-*, Resian, Russian.

References

Benakk'o R. [Integration of borrowed verbs into the Slavic aspectual system: Rezian dialect]. *Slavistika*, 2018, no. 22(1), pp. 9–20. (In Russ.)

Benakk'o R. [Rezian dialect and the grammaticalization of the Slavic aspectual system]. *Rajko Nahtigal in 100 let slavistike na Univerzi v Ljubljani* [Rajko Nahtigal and 100 years of Slavic Studies at the University of Ljubljana]. P. Stankovska, A. Derganc, A. Šivic-Dular (Eds.). Ljubljana, Ljubljana Univ. Publ., 2019, pp. 271–283. (In Russ.)

Dickey S. “Semelfactive” *-no-* and the Western Aspect Gestalt. *Journal of Slavic linguistics*, 2001, no. 9/1, pp. 25–48.

Dickey S., Janda L. *Khokhotnul, skhitril*: the relationship between semelfactives formed with *-nu-* and *s-* in Russian. *Russian Linguistics*, 2009, no. 33, pp. 229–248.

Gorbova E. [Russian semelfactive verbs and non-prototypic allomorphy]. *Russian Linguistics*, 2016, no. 40, pp. 57–78. (In Russ.)

Isachenko A. V. *Grammaticeskii stroi russkogo yazyka v sopostavlenii s slovatskim. Morfologiya. Ch. 2*. [The grammatical structure of the Russian language in comparison with the Slovak. Morphology. Part 2]. Bratislava, Slovakian Academy of Sci. Publ., 1960. 577 p.

Khrakovskii V. S. (Ed.). *Tipologiya iterativnykh konstruksii* [Typology of iterative constructions]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 310 p.

Khrakovskii V. S. [Typology of semelfactive]. *Tipologiya vida. Problemy, poiski, resheniya* [Typology of the verbal aspect. Problems, researches, solutions]. M. Yu. Chertkova (Ed.). Moscow, Studia philological Publ., 1998, pp. 485–490. (In Russ.)

Makarova A., Janda L. A. Do it once: a case study of the Russian *-nu-* semelfactives. *Scandoslavica*, 2009, no. 55/1, pp. 78–99.

Maslov Yu. S. [The role of so-called perfectivation and imperfectivation in the rise of the Slavic verbal aspect]. *Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected works: Aspectology. General linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004, pp. 445–476. (In Russ.)

Melig Kh. R. [Homogeneity and heterogeneity in space and time. On the category of verbal aspect in Russian]. *Revue des études slaves*, 1994, no. 66(3), pp. 585–606. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [The National corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>

Neset T. The history of the Russian semelfactive: the development of a radial category. *Journal of Slavic linguistics*, 2013, no. 21(1), pp. 123–169.

Paducheva E. V. *Semanticheskie issledovaniya* [Semantic researches]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1996. 465 p.

Plungyan V. ['Fast' in the grammar of Russian and other languages]. *Slovo v tekste i v slovare. Sb. statei k 70-letiyu akad. Yu.D. Apresyana* [The word in the text and in the dictionary. For the 70th anniversary of Acad. Yu.D. Apresyan]. L. L. Iomdin, L. P. Krysin (Eds.). Moscow, Studia philological Publ., 2000, pp. 212–223. (In Russ.)

Schuyt R. *The morphology of Slavic verbal aspect. A descriptive and historical study*. Amsterdam, Atlanta, Rodopi, 1990. 435 p.

Shelyakin M. A. *Kategoriya aspektual'nosti russkogo glagola* [Category of aspectuality of the Russian verb]. Moscow, URSS Publ., 2007. 272 p.

Shvedova N.Yu. (Ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1980. Vols. 1–2.

Sokolova S. "Rabotnul na slavu — Gul'ni smelo!". "Nu" as a universal aspectual marker in non-standard Russian. *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiya* [Aspectual semantic zone: typology of systems and diachronic development scenarios]. M. Kitajo (Ed.). Kyoto, Kioto Sange Univ. Publ., 2015, pp. 271–277.

Steenwijk H. *The Slovene dialect of Resia. San Giorgio*. Amsterdam, Atlanta, Rodopi, 1992. 352 p.

Zaliznyak Anna A., Shmelev A. D. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introduction to Russian Aspectology]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000. 225 p.

А. Ч. Пиперски

НИУ «Высшая школа экономики»

Российский государственный гуманитарный университет

(Россия, Москва)

apiperski@gmail.com

КОРПУСНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СМЕШЕНИЕМ РОДИТЕЛЬНОГО И ПРЕДЛОЖНОГО ПАДЕЖЕЙ РУССКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В статье рассматривается смешение форм родительного и предложного падежей во множественном числе русских существительных: *в тринадцати предыдущих случаях, из многочисленных публикациях* вместо *в тринадцати предыдущих случаях, из многочисленных публикаций*. Такое смешение известно уже с XV в., но все же остается за пределами нормативной грамматики. Оно особенно вероятно после определений, которые не различают родительный и предложный падежи во множественном числе. На основе данных интернет-корпуса «Araneum Russicum Maius» показано, что это смешение отчасти обусловлено фонетическими и морфологическими факторами: местом ударения в формах родительного и предложного падежей и ненулевым окончанием родительного падежа (формы родительного падежа с безударным ненулевым окончанием больше похожи на предложный падеж и легче подвергаются смешению). Однако есть и другие факторы, способствующие смешению, а именно некоторые синтаксические конструкции («у + определение + предложный падеж вместо родительного», «в / о(б) одном / каждом / любом / некоторых из + определение + предложный падеж вместо родительного») и стилевая принадлежность текста (в текстах официально-делового стиля часто встречается замена предложного падежа на родительный).

Ключевые слова: русский язык, морфология, корпус, вариативность, падежный синкретизм.

Исследователи давно обращали внимание на тот факт, что в современном русском языке часто наблюдается смешение форм родительного и предложного падежей. Особенно распространено оно во множественном числе:

- (1) *Жозе впервые отыгрался, проигрывая два мяча в ЛЧ. В тринадцати предыдущих случаях все заканчивалось поражением [Sports.ru]* (вместо *В тринадцати предыдущих случаях*).

Это явление подробно исследовалось в работах М. Я. Гловинской [1996; 1998; 2008; 2012]. Оно отмечается уже с XV в., и древнейшие примеры обычно объясняются южнославянским, в частности сербским, влиянием [Гловинская 2012, со ссылкой на: Keipert 1968; Казимова 2019]. Однако такое совпадение двух форм не требует внешнего объяснения и выглядит вполне естественным и с точки зрения системы русского языка: если выстроить шесть основных русских падежей в таком порядке, чтобы синкретизм наблюдался только между соседними падежами [Plank 1991; Сага 2009], получим следующую последовательность, в которой Р. и П. действительно стоят рядом:

И. — В. — Р. — П. — Д. — Т.¹

На фонематическом уровне родительный падеж совпадает с предложным в следующих категориях форм:

1) существительные III склонения и разносклоняемые существительные в единственном числе, например *двери, пути, знамени*;

2) прилагательные и причастия (в том числе субстантивированные) и местоимения-прилагательные женского рода в единственном числе, например *большой, красивой, кондитерской, моей*;

3) прилагательные и причастия (в том числе субстантивированные) и местоимения-прилагательные во множественном числе, например *больших, красивых, чаевых, моих*;

4) большинство количественных числительных, например *полтора, двух, двадцати, сорока*.

Если учесть также случаи, где родительный падеж совпадает с предложным на фонетическом уровне, после действия редукции гласных, к этому списку добавляется еще несколько случаев:

1) существительные I склонения с основой на мягкий согласный, например Р. *доли* ≈ П. *доле*;

2) существительные II склонения среднего рода с основой на мягкий согласный, например Р. *чудовища* ≈ П. *чудовище*.

Неудивительно, что в таких условиях говорящие на русском языке часто путают формы Р. и П. Смешение форм у существительных кажется особенно вероятным во множественном числе в случае, когда они стоят после определений, у которых Р. и П. и так совпадают: *на этих принципов; о других переговорах; от своих лидерах; повторение каких-то механических жестов*. По наблюдению М. В. Русаковой, «неадекватное предложно-падежное оформление словоформы существительного является одним из самых частотных сбоев, фиксируемых в русской речи» [Русакова 2013: 126]. Одним из типов таких сбоев является «неадекватное подстраивание под словоформу с адъективными окончаниями. Причина сбоя связана

¹ Здесь и далее русские падежи обозначаются общепринятыми сокращениями по первой букве названия: И(менительный), Р(одительный), Д(ательный), В(инительный), Т(ворительный), П(редложный).

с синкретизмом в парадигме адъективного склонения» [Там же: 127]. Еще один важный фактор — фонетическая близость безударных окончаний *-ов* и *-ах*, которую мы наблюдаем во всех приведенных выше примерах [Гловинская 2012: 180].

Как отмечает М. Я. Гловинская, «строго научный результат дало бы статистическое обследование: постоянное наблюдение над речью одной и той же группы испытуемых в течение одного и того же длительного времени и подсчет соотношения правильных форм и ошибок». Однако она сразу же добавляет, что «статистическое обследование в таких случаях невозможно и технически, и содержательно» [Гловинская 2012: 180].

Как бы то ни было, другой тип статистического исследования — корпусный анализ примеров со смешением падежей — кажется в данном случае вполне уместным. Во-первых, можно проверить гипотезу о том, что некоторые классы существительных более склонны к смешению Р. ↔ П., чем другие. Во-вторых, корпусный анализ позволит выделить контексты, в которых такое смешение окажется более вероятным.

Правда, классические корпуса русского языка, такие как основной подкорпус «Национального корпуса русского языка» или «СинТагРус», плохо подходят для решения этой задачи, поскольку обычно содержат хорошо вычитанные тексты — а для того, чтобы изучать явление, которое говорящими на русском языке все же воспринимается как ошибка, нужен корпус более спонтанных текстов. Поэтому для того, чтобы получить выборку примеров и статистику, был использован корпус «Araneum Russicum Maius» [Araneum Russicum Maius; Benko 2014] общим объемом 1 млрд словоформ, который содержит тексты, автоматически скачанные из интернета.

При использовании корпуса возникает проблема: невозможно легко установить, является ли произвольно выбранная форма Р. или П. законной или представляет собой результат смешения. Возможный путь состоит в том, чтобы вручную просматривать случайную выборку существительных, определенных как Р. или П., отбирая ошибочные формы, однако это потребовало бы ручной обработки слишком большого объема материала, поскольку мы имеем дело с крайне редким явлением. Поэтому был выбран другой путь: исследуются факторы, которые влияют на смешение Р. и П. во множественном числе существительных только в тех контекстах, где ожидаемый падеж легко предсказывается окружением, а именно после характерных для Р. и П. предлогов в сочетании с определением. Разумеется, это очень сильно сужает объем исследуемого материала, однако такое сужение можно считать оправданным, во всяком случае, для первого корпусного приближения к проблеме.

Примеры замены Р. → П. извлекались из корпуса с помощью следующего запроса:

```
[lc="без|для|до|из|из-за|из-под|от|у"] [lc=".*х"] [lc=".*[ая]х" & tag="N.*"]
```

1-е слово — предлог *без, для, до, из, из-за, из-под, от, у*;

2-е слово — любое слово, оканчивающееся на *-х*;

3-е слово — любое не менее чем двухбуквенное слово, оканчивающееся на *-ах* или *-ях*, автоматически размеченное как существительное N).